

УДК-328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-30-39

ФАКТОРЫ КООПТАЦИИ ОППОЗИЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 2019–2023 ГГ.)

А. В. Горохов

Горохов Александр Владимирович, аспирант,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: avgorohov@bk.ru (ORCID: 0000-0002-3118-9403. ResearcherID: ABF-5192-2021).

Аннотация

Исследование посвящено анализу кооптации оппозиции в региональных парламентах России, а именно тех факторов, благодаря которым принимается решение в пользу кооптации тех или иных представителей системной оппозиции. Под кооптацией понимается предоставление системной оппозиции в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» руководящих постов в региональном парламенте, а именно заместителей председателя парламента и глав комитетов. Рассмотрены факторы, влияющие на кооптацию, а именно сопоставлены институциональные факторы (влияние фигуры главы региона, общих особенностей регионального парламента) и персональные, связанные с карьерными особенностями депутатского корпуса. На примере электорального цикла 2019–2023 гг. было доказано, что чаще всего решение о кооптации носит индивидуальный характер и зависит от персональных особенностей кооптируемых депутатов, а именно опыта работы в бизнес-сфере и избрания в состав одного из созывов регионального парламента. Помимо этого, была доказана и значимость полученных системной оппозицией мест, что подтверждает предыдущие исследовательские выводы. Исследование расширяет имеющиеся представления о факторах кооптации за счет проверки влияния факторов на нескольких уровнях руководящих должностей и оставляет пространство для дальнейшего углубления и расширения полученных выводов.

Ключевые слова: российские регионы; оппозиционные партии; выборы; кооптация; факторы кооптации.

Введение

Исследования, посвященные функционированию политических режимов, рассматривают не только особенности и характеристики политических систем, но также и те факторы, благодаря которым достигается стабильность и постоянство управления ими. Одним из направлений исследовательского интереса является анализ электоральных процессов, которые рассматриваются в контексте их важности для анализа политической ситуации в конкретной стране или регионе, а также для понимания дальнейшего политического развития, которое часто продиктовано именно действиями избранных кандидатов.

Опыт исследований электоральных процессов в России имеет долгую историю. Российские выборы и связанные с ними политические изменения не просто тесно переплетаются, но и оказывают влияние друг на друга на многих уровнях, с учетом региональных и общенациональных кампаний, особенностей политики и изменений на федеральном уровне. В значительной степени анализ концентрируется на роли доминирующей политической партии – «Единой России», а также тех механизмах и практиках, благодаря которым она сохраняет лидерство как в федеральном, так и в региональных парламентах. Однако стабильность этого доминирования связана и с оппозицией, которая выступает в качестве включенного элемента существующего властного баланса. Чаще всего формат взаимодействия оппозиции и власти принято рассматривать через логику кооптации.

Когда мы говорим о кооптации в политике, она понимается как процесс формирования и сохранения формальных и неформальных связей, посредством которых действующие власти побуждают к консенсусу с правящей коалицией прочие политические силы в обмен на предоставление им различного рода благ (Stacher, 2012). Кооптация является эффективным механизмом объединения и вовлечения в политику разных политических сил и нейтрализации недовольных статусом-кво, а так-

же лежит в основе функционирования многих важных институтов, прежде всего законодательных органов и партий (Gandhi & Przeworski, 2006; Reuter & Remington, 2009).

Несмотря на богатый международный опыт изучения, данный концепт не так активно применяется при анализе отечественной политики. Чаще всего кооптация используется в качестве одной из инструментальных переменных и гораздо реже – в качестве предмета исследования, встроенного в более широкий контекст. Исходя из этого, измерение и изучение кооптации как таковой сводится либо к выстраиванию «шкалы», в рамках которой конкретные кейсы распределяются исследователями в зависимости от используемых властью методов и инструментов кооптации (Golosov, 2014), либо к анализу уровня консенсуса, который может различаться от полного его отсутствия до добровольной кооптации по инициативе партии (Reuter & Robertson, 2015; Dollbaum, 2017; Туровский и Сухова, 2021). В результате остается возможность концептуализации понятия под конкретное исследование, исходя из его особенностей.

Кроме того, другим важным аспектом анализа является отсутствие консенсуса касаясь факторов влияния на кооптацию оппозиции или углубления ее форм. Связано это во многом с решающим влиянием на региональные процессы фигуры главы региона, а также особенностями управления субъектами (Гайворонский, 2014; Туровский, 2013). Исследователи особо отмечают роль патрон-клиентских сетей – механизмов формальных и неформальных связей, за счет которых акторы способны влиять на политику в регионе. Они же являются основным объяснительным механизмом стратегий как власти, так и оппозиции в рамках кооптации. Однако исследователи фактически не уделяют внимания персональным характеристикам кооптированных акторов, прежде всего связанных с их карьерным опытом, которые и могут оказывать ключевое влияние на процессы кооптации. Отдельные работы посвящены лишь изучению тех факторов, которые вынуждают оппозицию сотрудничать с властью (Szakonyi, 2024), либо роли экономических факторов, которые могут выделять конкретные персоналии для кооптации (Mikhasev & Golosov, 2023).

Примечательно, что теоретической рамкой всех упомянутых работ является институционализм рационального выбора, благодаря которому отношения между властью и оппозицией рассматриваются через рациональное поведение акторов: общей объяснительной логикой является трактовка кооптации как обмена лояльности на предоставление руководящих должностей и власти. Вместе с тем исследования показывают, что не всегда стороны в решении о кооптации руководствуются данной логикой, что оставляет возможности для поиска иных объяснительных механизмов. Ввиду этого построение анализа с учетом влияния институциональных факторов и персональных характеристик кооптируемых акторов представляется задачей актуальной.

Таким образом, цель исследования – эмпирически проверить значимость персональных характеристик кооптируемых акторов на кооптацию и сопоставить ее влияние с институциональными характеристиками.

Кооптация оппозиции – состояние дискуссии в России

Исследователи, анализирующие в своих работах кооптацию и влияющие на нее факторы, отмечают, что обычно она понимается как получение оппозицией руководящих должностей в региональных парламентах (Golosov, 2014). Несмотря на то, что данный процесс чаще всего является неформальным и сложно идентифицируется, отмечается, что именно за счет получения руководящих должностей кооптируемым акторам удается реализовать свои бенефиты и продемонстрировать кооптацию исследователям (Kavasoglu, 2022).

Говоря об анализе кооптации в России, важно отметить ряд особенностей российской политики, за счет которых кооптация политических сил возможна. Прежде всего, это концентрация власти вокруг фигуры президента и формирование президентской вертикали, как отмечает М. Фиш (Fish, 2014). За счет этого элитам становится важно попасть в провластную коалицию, чему и способствует кооптация. Вторым важным фактором принято считать субнациональный авторитаризм, под которым, согласно Г. Голосову, понимается совокупность практик реализации власти на местах, прежде всего для обеспечения необходимого федеральному центру электорального результата. Чаще всего речь идет об обеспечении региональными элитами доминирования провластных сил за счет расширения консенсуса в обмен на политические и иные блага (Golosov, 2011). Наконец, нельзя не отметить в качестве важного фактора роль «Единой России» как партии власти. В результате своего формирования и эволюции она стала использоваться в том числе для сохранения статуса-кво в парламенте субъектов (Remington, 2013) и контроля властей на местах (Hale, 2011).

Данные особенности позволяют сосредоточиться на отличительных характеристиках кооптации в России. Прежде всего, подчеркивается институциональный характер кооптации, а именно те площадки, где она происходит, – исследовательский интерес направлен на изучение оппозиции в региональных парламентах как единственных арен, где она возможна (Туровский, Сухова, 2021; Mikhasev & Golosov, 2023). Отмечается, что именно за счет парламентов институционально оформляется взаимодействие оппозиции и власти, которая также обладает контролем за распределением мандатов (Reuter & Robertson, 2015). Важно, что учитывается не просто сам факт нахождения оппозиции в парламенте, но использование ею полученных от руководящей должности благ в своей деятельности.

Еще одной особенностью является внимание к региональной политике как к ключевому уровню анализа. Если зарубежные исследователи чаще фокусируются на общестрановых особенностях взаимодействия власти и оппозиции и переносят результаты на уровень регионов (Gandhi & Przeworski, 2006), то в российских исследованиях ситуация противоположная. Фокус на региональной политике и изучение ее через анализ институтов (региональных парламентов) позволяют, во-первых, избежать экстраполяции общей логики на уникальные кейсы российских субъектов, а во-вторых, получить более детальную картину, отталкиваясь от особенностей регионов.

Наконец, значимым является изучение сугубо системной оппозиции – политических сил, регулярно участвующих в политике через выборы и за счет этого выступающих стабилизаторами политической системы (Dollbaum, 2017). Также значимыми являются патрон-клиентские отношения, понимаемые как персонифицированные взаимодействия (включая неформальные) для обмена выгодами и санкциями. Поскольку системная оппозиция тесно встраивается в структуру отношений с действующей властью, именно неформальный характер взаимодействия играет ключевую роль в распределении должностей и иных выгод (Baturu & Elkind, 2016).

В то же время ключевым отличием российской оппозиции от опыта анализа других стран является ее рациональная заинтересованность в сохранении текущего статуса-кво (Golosov, 2011). В результате власти получают сторонников соблюдения текущего баланса отношений, а оппозиция – возможность ведения политической деятельности.

Несмотря на столь многообразный опыт изучения кооптации в России, все еще мало изучены те факторы, которые движут сторонами при принятии решения о кооптации. Имеющиеся исследования показывают, что при кооптации активнее всего используется практика назначения представителей оппозиции на руководящие должности в региональные парламенты (Туровский, Сухова, 2021). При этом подчеркивается, что решения о кооптации носят скорее индивидуальный и выборочный характер (Mikhasev & Golosov, 2023), что оставляет возможность для разных трактовок причин и факторов кооптации. В частности, широко распространен поиск экономических причин для кооптации (Mikhasev & Golosov, 2023, Szakonyi, 2024) либо же ее обоснование через внешние институциональные условия (Reuter & Szakonyi, 2019). Но подобные исследования обладают и важным недостатком. Зачастую кооптация анализируется как часть более широких политических процессов (стратегии действующей власти и др.) и реже – в качестве основного фокуса исследования. А потому различия в значимости и влиянии разных факторов, отмечаемые исследователями, позволяют проводить исследования, направленные на углубление понимания общих и частных особенностей кооптируемых, которые важны для их вовлечения во властную коалицию.

Материалы и методика исследования

Обозначим особенности проведенного статистического анализа. В центре нашего анализа будет системная оппозиция в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Причинами фокуса именно на них являются стабильное представительство на региональном и федеральном уровнях вне зависимости от получения ими руководящих должностей, а также сохраняющееся подавляющее преимущество над остальными оппозиционными силами (хоть и несколько снизившееся в последние годы). Временной и географической рамкой анализа стал электоральный цикл 2019–2023 гг., охватывающий 89 выборов в региональный парламент. Представленная выборка, во-первых, на данный момент еще не была полностью проанализирована исследователями с точки зрения кооптации, а во-вторых, является наиболее актуальной для оппозиции с точки зрения дальнейших перспектив с учетом тренда на снижение ее электоральной поддержки.

В качестве метода проверки влияния факторов на кооптацию оппозиции была использована Logit-регрессия, которая позволит оценить силу и характер влияния факторов. Остановимся подроб-

нее на описании переменных, используемых в анализе. Зависимой переменной будет выступать бинарная переменная наличия кооптации – она принимает значение 1 в случае наличия руководящих должностей у системной оппозиции (ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия») и 0 – в случае отсутствия. Для моделей уровня заместителей председателя и глав комитетов зависимая переменная скорректирована – для нее используется наличие у представителей системной оппозиции соответствующих постов в зависимости от уровня анализа (1 – наличие должности заместителя председателя / главы комитета, 0 – отсутствие). Данный подход к операционализации кооптации доказал свою эффективность среди исследователей и соотносится с отмечаемыми выше теоретическими подходами к кооптации (Туrowsкий и Сухова, 2021; Dollbaum, 2017).

Что касается независимых переменных, то они были отобраны на основании следующих теоретических подходов к кооптации. Прежде всего, это патрональные отношения, понимаемые как форма взаимодействия между патроном – доминирующим субъектом политики – и его клиентами, которые за счет персональных связей образуют взаимовыгодное сотрудничество. Исследователи отмечают, что для российских регионов характерны сложные формы взаимодействия элитных групп, характеризующиеся неравенством отношений и многоуровневыми связями. Как справедливо в рамках данной логики отмечает Г. Хейл, в российской политике происходит конкуренция различных патронажных групп и наиболее видными из них являются «политические машины» в субъектах России, которые возглавляются главами регионов (Hale, 2017). Подчеркивается, что патронаж является важным фактором влияния и успеха политических акторов, связанным с фигурой самого патрона. А потому особенности формирования губернаторского корпуса и стабильность его состава могут быть значимы для понимания элитных отношений в регионах, в том числе кооптации.

Вторым важным теоретическим аспектом стало понимание кооптации как упорядоченного институционального взаимодействия акторов в рамках теории рационального выбора. Еще в первых исследованиях кооптации отмечалось, что она является как процессом, происходящим в рамках институциональной логики (в частности, института парламента), так и процессом во многом рациональным, поскольку часто члены оппозиции оценивают свои шансы на руководящие должности как низкие и решаются на добровольную кооптацию (Gandhi & Przeworski, 2006; Reuter & Remington, 2009). Также отмечено, что власти обычно сами заинтересованы в успешной кооптации и могут создавать институциональные возможности для ее успеха – речь чаще всего идет о расширении числа руководящих должностей, а также установлении барьеров для нежелательных партий и пр. (Kavasoglu, 2022). Ввиду этого важность данных факторов для кооптации нельзя недооценивать.

Наконец, нельзя не отметить третий пласт теоретических работ, которые рассматривают кооптацию как избирательный процесс взаимодействия акторов. Исследователи доказали, что кооптация зависит не только от национального контекста, но и от индивидуальных особенностей акторов. Последние напрямую влияют на возможность интеграции представителей оппозиции в состав властной коалиции (Reuter & Robertson, 2015). При этом отмечается, что голосование в парламентах характеризуется высокой персонификацией (привязкой к конкретному кандидату), что было доказано и отечественными исследователями (Turowsky, 2018). А потому индивидуальные особенности становятся зачастую ключевыми, а выбор объекта кооптации напрямую влияет на те ресурсы, которые будут необходимы властям для удержания его лояльности (Mikhasev & Golosov, 2023). Исходя из этого, персональные характеристики кооптируемых также станут важными переменными анализа.

Исходя из отмеченных выше теоретических особенностей и характеристик кооптации, перейдем к описанию основных независимых переменных, которые условно будут разделены на институциональные и персональные в зависимости от того, будут ли они тяготеть к «внешним» факторам кооптации или к персональным особенностям кооптируемого корпуса.

В случае главы региона были взяты основные факторы, влияющие на его позиционирование как по отношению к местным элитам, так и по отношению к федеральному центру. Во-первых, это восприятие его в качестве «варяга» или выходца из местных элит. Как отмечено выше, главы региона играют важную роль в региональной политике, прежде всего из-за патронажных связей, за счет которых они способны эффективнее реализовывать собственные цели и влиять в том числе на работу парламента (Баландин и Гайворонский, 2023). При этом исследователями отмечается, что чаще всего эти связи зависят от происхождения главы региона – является он выходцем из местных элит или федеральных. Но несмотря на то, что влияние происхождения губернаторов на политические процессы в регионах уже выявлено, их значимость для кооптации все еще слабо изучена, что оставляет возможность для анализа в рамках этой работы. Переменная будет представлена в бинарном виде, где 1 – губернатор-«варяг» и 0 – выходец из местных элит.

Второй переменной, связанной с фигурой главы региона, будет наличие ротации губернатора перед проведением выборов в региональный парламент. Данный показатель важен, поскольку ротация губернаторов является одним из факторов стабильности региональных элит и, что более важно, патронажных связей. Вновь назначенный / избранный глава региона будет вынужден выстраивать новый баланс отношений с местными элитами (Баландин и Гайворонский, 2023), что может повлиять и на распределение руководящих должностей в парламенте. Данная переменная также будет бинарной: 1 – в случае смены главы региона перед выборами в региональный парламент, 0 – при ее отсутствии.

Имеющиеся теоретические представления о роли губернатора в региональной политике позволяют предположить, что он будет выступать за большую согласованность и управляемость региональной политики. Ввиду этого стоит ожидать, что за счет патронажных отношений и длительности пребывания главы региона на посту (то есть без ротации) шансы на кооптацию будут увеличиваться.

H1: возможность кооптации депутатов от оппозиции в региональном парламенте будет выше в случае принадлежности главы региона к местным элитам и отсутствия ротации в преддверии выборов в региональный парламент.

Вторая группа переменных связана с теоретическими представлениями о кооптации как институциональном взаимодействии. Как отмечено выше, действующая власть зачастую способна создавать институциональные преимущества для оппозиции, которые могут влиять на получение ею дополнительных мест, включая руководящие должности. А потому такие возможности являются важным фактором для оценки кооптации, и имеющийся опыт исследований показал, что подобные переменные оказываются значимыми для распределения руководящих должностей (Туровский и Сухова, 2021; Dollbaum, 2017). В рамках теоретического анализа и имеющихся эмпирических работ были отобраны следующие переменные: общее число доступных руководящих постов (за исключением должности председателя парламента, контролируемой «Единой Россией» в анализируемый период) и общее число доступных мест в парламенте. Эти показатели показывали неоднозначный характер влияния в других исследованиях, но их использование на актуальных электоральных кампаниях и сопоставление с индивидуальными характеристиками нельзя проигнорировать.

H2: кооптация оппозиционных депутатов будет более вероятной, если институциональные возможности для избрания оппозиции и получения ею руководящих постов выше.

Отдельно стоит отметить такой включенный в анализ фактор, как доля полученных оппозиционными партиями мест. Исследования показывают прямую зависимость между количеством получаемых руководящих должностей и долей мест, которые достаются той или иной политической партии (Туровский и Сухова, 2021). Тем не менее данные выводы чаще всего были получены при анализе сугубо институциональных факторов влияния на кооптацию, однако игнорировать его значимость в рамках данной работы было бы неправильным. А потому проверка значимости переменной на большем массиве факторов представляется задачей все еще актуальной.

Наконец, значимой будет категория переменных, связанных с персональными характеристиками кооптируемой оппозиции. Данные переменные будут исходить из отмеченной выше теоретической предпосылки об индивидуальном и избирательном характере кооптации и ее связи с особенностями конкретных депутатов.

Первая переменная отражает наличие опыта работы в руководстве бизнеса (будь то региональный или федеральный) на момент избрания депутата в законодательное собрание. Ранее Г. Голосов и Т. Михасев доказали, что решение о кооптации не в последнюю очередь связано с наличием опыта работы в бизнес-структурах (Mikhasev & Golosov, 2023). При этом отмечалось, что включение таких депутатов в коалицию часто является вынужденным со стороны власти и применялось лишь в случае полезности в конкретных условиях, в то время как для самих избранников такое решение не несет положительных эффектов. Однако данные выводы были получены лишь на представителях «Единой России», что оставляет возможность для их проверки на представителях системной оппозиции. Переменная будет представлена в бинарном виде: при наличии опыта на руководящей должности в региональном или федеральном бизнесе значение будет 1, в случае отсутствия – 0.

Не менее значимым фактором является опыт участия в политике, а именно повторное избрание в качестве депутата регионального парламента. Исследования доказали, что при наличии соответствующего опыта работы в должности у депутата будет больше шансов на получение руководящего поста, что связывается с их опытом и пониманием парламента изнутри (Kavasoglu, 2022). В то же время ряд исследований показывает незначимость или отрицательное влияние данного фактора в целом (Reuter & Szakonyi, 2019), а потому его использование в рамках данного анализа представляет-

ся оправданным: переменная принимает значение 0 при отсутствии опыта работы в региональном парламенте и 1 – при его наличии.

В целом персональные характеристики кооптируемых акторов признаются исследователями более значимыми при анализе кооптации, нежели прочие факторы, что накладывает на общую теоретическую логику об индивидуальном характере кооптации (Mikhasev & Golosov, 2023; Turovsky, 2018).

НЗ: персональные характеристики кооптируемых акторов (в виде наличия опыта работы в бизнес-секторе или избрания в один из предыдущих созывов регионального парламента) оказывают большее влияние на кооптацию, нежели институциональные факторы (связанные с фигурой главы региона или общими особенностями парламента).

Контрольными переменными выступили доля русского населения среди жителей региона (по данным переписи населения за 2021 г.) и логарифм ВРП субъекта на душу населения. Данные факторы потенциально могут зафиксировать влияние демографических и социально-экономических различий регионов на кооптацию, что уже ранее использовалось для оценки (Туровский и Сухова, 2021). Источниками переменных стали данные Центральной избирательной комиссии РФ за 2019–2023 гг. для электоральных результатов, данные Росстата и Всероссийской переписи населения 2021 г. для ряда контрольных переменных, а также данные региональных законодательных собраний для сбора информации об институциональных особенностях региональных заксобраний. Кроме того, в работе была использована собственная база данных о биографических особенностях депутатского и губернаторского корпусов, учитывающая упомянутые выше особенности.

Полученные результаты

В рамках анализа гипотезы исследования были проверены на двух уровнях руководящих должностей, которые чаще всего распределяются между депутатами регионального парламента – речь идет о заместителях председателя регионального парламента (включая как первого заместителя, так и иных), а также руководителях комитетов. Повторимся, что за все время наблюдений представителям оппозиции не удалось получить должность председателя парламента, потому анализ сводится к рассмотрению лишь двух типов руководящих должностей – заместителей председателя регионального парламента и глав комитетов.

Регрессионный анализ был посчитан для общих случаев кооптации представителей КПРФ, ЛПДР и «Справедливой России» с целью получения наиболее состоятельных и обобщенных выводов. Было получено три регрессии – общая для всех должностей и регрессии для уровней заместителей председателя парламента и глав комитетов соответственно. Рассмотрим подробнее каждую из них начиная с кооптации всех руководящих должностей (модель 1) (таблица).

Результаты регрессионного анализа кооптации системной оппозиции

Параметр	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Происхождение губернатора	0.209 (0.198)	-0.578 (0.367)	0.239 (0.417)
Ротация до выборов в парламента	-0.837 (0.561)	0.419 (0.502)	-0.201 (0.195)
Количество руководящих постов в парламенте	0.634 (0.299)*	0.656 (0.593)	-0.294 (0.356)
Количество избираемых депутатов	0.783 (0.218)	0.708 (0.578)	-0.318 (0.529)
Доля полученных оппозицией мест	0.539 (0.182)***	0.443 (0.115)**	0.263 (0.058)**
Опыт работы в парламенте	0.875 (0.378)**	0.984 (0.491)*	0.587 (0.253)*
Опыт работы в бизнесе	-0.612 (0.227)**	-0.274 (0.136)*	-0.409 (0.183)*

Окончание табл.

Параметр	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Доля русского населения	0.324 (0.198)	0.132 (0.419)	-0.109 (0.167)
Логарифм ВРП на душу населения	-0.162 (0.117)	0.017 (0.052)	0.036 (0.314)
Количество наблюдений	89	89	89
<i>Примечание.</i> Значимость показателей: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.			

Как можно убедиться из полученных результатов, из значимых факторов, влияющих на кооптацию всей системной оппозиции (модель 1), наиболее выделяются те, что связаны с персональными характеристиками кооптируемых депутатов – опыт работы в бизнесе и избрание в предыдущий созыв регионального парламента. При этом опыт работы в бизнес-сфере негативно влияет на возможность получения руководящей должности в созыве парламента, в то время как опыт предыдущего избрания – положительно. Однако наибольшее положительное влияние на кооптацию оказывает доля мест оппозиции в парламенте, что объясняется отмечаемой исследователями тесной зависимостью получаемых должностей от общего числа избранных депутатов (Туровский и Сухова, 2021). Выделяется и институциональный фактор общего числа руководящих должностей: согласно результатам, чем больше данных постов, тем больше вероятность получения их системной оппозицией, а соответственно, и выше вероятность кооптации.

Данные результаты позволяют нам сделать базовые предположения, однако для дальнейших выводов стоит обратиться к факторам, влияющим на кооптацию заместителей председателя парламента (модель 2). Полученные результаты показывают, что в случае уровня заместителя председателя регионального парламента доля полученных оппозицией мест сохраняет свою положительную значимость для кооптации. При этом институциональные факторы влияния не оказывают.

Однако значимость персональных характеристик по-прежнему высока. Опыт предыдущей работы в бизнесе все также отрицательно влияет (хоть и менее выражено) на кооптацию, что уменьшает шансы депутатов с подобным опытом на получение руководящей должности в парламенте. Опыт предыдущего избрания депутатов положительно сказывается на кооптации, и в целом персональные факторы на этом уровне влияния оказывают тот же эффект, что и в первой модели.

Наконец, рассмотрим факторы, которые оказывают влияние на кооптацию системной оппозиции на уровне глав комитетов (модель 3). Здесь степень значимости независимых переменных, а также их количество снижаются, единственным неизменно положительным показателем стала доля мест оппозиции в парламенте. При этом сохраняется негативное влияние опыта работы в бизнес-сфере и положительный эффект от наличия предыдущего опыта избрания. В целом наблюдается высокая значимость персональных факторов для кооптации.

По итогу проведенного анализа можно сказать, что первая гипотеза о влиянии на кооптацию фигуры главы региона не подтвердилась: связанные с губернаторами факторы оказались незначимы в рамках построенных моделей, что может свидетельствовать о независимости процессов кооптации от фигуры главы региона. Что касается второй гипотезы об институциональных особенностях региональных парламентов, влияющих на кооптацию, то значимость данных факторов подтвердилась лишь отчасти. На общий уровень кооптации влияет количество руководящих должностей в региональном парламенте, однако в моделях на уровне заместителей председателя парламента и глав комитетов данный фактор не оказался значимым, что показывает оправданность учета специфики разных уровней анализа. Также на кооптацию оппозиции на всех уровнях анализа влияет доля мест, полученных системной оппозицией, что в целом является логичным: чем большее количество мест получают ее представители, тем больше шансов у партий на получение руководящих должностей. Данный вывод повторяет уже имеющиеся представления о кооптации как в международном опыте изучения, так и в отечественном, однако иные институциональные переменные оказались незначимы.

Наконец, третья гипотеза о важности персональных характеристик кооптируемых депутатов подтвердилась: обе отмеченные переменные оказались не только значимыми во всех моделях, но также и чаще влияли на кооптацию, нежели институциональные факторы. При этом выводы о влиянии фактора работы в бизнесе совпадают с ранее описываемыми исследователями результатами

(Mikhasev & Golosov, 2023) и могут объясняться большей ставкой на политически опытных депутатов, встроенных в систему отношений с властями (что подтверждается значимостью переменной, связанной с опытом работы в парламенте), а также наличием у выходцев из бизнеса собственных интересов для лоббизма, что влияет на их политическую деятельность.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что полученные результаты являются значимыми для всех уровней анализа. В частности, персональные характеристики кооптируемых депутатов имеют одинаковый характер влияния. Это подтверждает имеющиеся теоретические выводы о том, что подход к кооптации оппозиции со стороны властей действительно носит индивидуальный характер. Но отличается сила этого влияния: факторы сильнее проявляли себя на общем уровне анализа, что в целом объясняется особенностью данной модели и учетом всех уровней должностей для кооптации. Схожая логика применима и для фактора доли мест оппозиции. Но фактор количества руководящих мест в парламенте значим лишь на общем уровне анализа, что можно интерпретировать в логике обретения выгоды оппозицией от расширения институциональных возможностей для получения руководящих постов, включая искусственное их увеличение, отмечаемое исследователями (Туровский и Сухова, 2021).

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, стоит отметить, что изучение такого сложного и много-составного концепта, как кооптация оппозиции, остается задачей актуальной для исследователей. Проведенный анализ позволяет не только сделать выводы о факторах, благодаря которым оппозиция эффективнее добивается получения руководящих постов в условиях электорального и политического доминирования «Единой России». Данная работа показывает значимость отдельных институциональных особенностей региональной политики и индивидуальных характеристик кооптируемых депутатов, а также сопоставляет их потенциальное влияние.

Проведенный анализ расширяет дискуссию о том, какие же факторы – индивидуальные характеристики депутатов или институциональные особенности региональной политики – оказывают большее влияние на процесс кооптации. Было доказано, что персональные особенности депутатов в виде опыта в бизнес-сфере или предыдущего избрания в региональный парламент оказывают наибольшее влияние на кооптацию. При этом характер данного влияния не всегда был положительным: опыт предыдущего избрания в региональный парламент положительно влиял на кооптацию, в то время как опыт работы в бизнесе оказывал негативное влияние на всех анализируемых уровнях. Что же касается факторов, связанных с главой региона или региональным парламентом, то они не оказали значимого эффекта, за исключением положительного влияния количества руководящих постов на общем уровне анализа. При этом ярким и влиятельным фактором оказалась доля мест, полученных представителями партий системной оппозиции, что согласуется с имеющимися представлениями исследователей.

Полученные результаты оставляют возможность их экстраполяции на больший массив данных, в том числе с расширением числа переменных. В частности, наиболее широкие возможности связаны с подбором перечня персональных характеристик кооптируемых акторов (например, опыт предыдущей работы на руководящей должности в региональном парламенте, наличие руководящей должности в региональных или федеральных структурах партий и др.). Данные шаги позволяют более детально изучить все те факторы, которые оказывают влияние на кооптацию оппозиционных сил, и дать ответы на многие исследовательские и практические вопросы, связанные с политической оппозицией в России.

Список литературы / References

- Баландин, Ю. А., Гайворонский, Ю. О. (2023) 'Патрональная политика и ротация губернаторского корпуса в России: опыт сетевого анализа', *Полития*, 3, сс. 67–90. [Balandin Y.A., Gaivoronsky Y.O. (2023) 'Patronage Policy and Rotation of the Governor's Corps in Russia: evidence from network analysis' [Patronal'naya politika i rotatsiya gubernatorskogo korpusa v Rossii: opyt setevogo analiza], *Politiya*, 2023, 3 (110), pp. 67–90. (In Russ.)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-110-3-67-90.
- Гайворонский, Ю. О. (2014) 'Консолидация партийных систем в контексте трансформации электорального пространства и политических режимов (на примере стран Балканского региона)', *Полития*, 2,

- сс. 141–154. [Gaivoronsky, Y. O. (2014) ‘Consolidation of Party Systems in the Context of the Transformation of Electoral Space and Political Regimes (on the Evidence of Balkan Countries)’ [Konsolidaciya partijnyh sistem v kontekste transformacii elektoral’nogo prostranstva i politicheskikh rezhimov (na primere stran Balkanskogo regiona)], *Politiya*, 2 (73), pp. 141–154. (In Russ.).] DOI: 10.30570/2078-5089-2014-73-2-141-154.
- Туровский, Р. Ф. (2013) ‘Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ’, *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*, 1, сс. 73–82. [Turovsky, R. F. (2013) ‘Regional political regimes in modern Russia: a comparative analysis’ [Regional’nye politicheskie rezhimy v sovremennoj Rossii: sravnitel’nyj analiz], *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental’nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, 1, pp. 73–82. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф., Сухова, М. С. (2021) ‘Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил’, *Полития*, 2, сс. 121–143. [Turovsky, R. F., Sukhova, M. S. (2021) ‘Cooptation of the opposition in the regional parliaments of Russia: a game with broken rules’ [Kooptaciya oppozicii v regional’nyh parlamentah Rossii: igra s narusheniem pravil], *Politiya*, 2 (101), pp. 121–143. (In Russ.)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143.
- Baturo, A., Elkind, J. A. (2016) ‘Dynamics of regime personalization and patron-client networks in Russia, 1999–2014’, *Post-Soviet Affairs*, 32 (1), pp. 75–98. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1032532.
- Dollbaum, J. (2017) ‘Curbing Protest through Elite Cooptation? Regional Protest Mobilization by the Russian Systemic Opposition during the «For Fair Elections» Protests 2011–2012’, *Journal of Eurasian Studies*, 8 (2), pp. 109–122.
- Fish, M. (2012) *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2006) ‘Cooperation, Cooptation, And Rebellion Under Dictatorships’, *Economics and Politics*, 18 (1), pp. 1–26.
- Golosov, G. V. (2011) ‘Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia’, *Europe-Asia Studies*, 63, pp. 623–639.
- Golosov, G. V. (2014) ‘Cooptation in the Process of Dominant Party System Building: The Case of Russia’, *East European Politics*, 30 (2), pp. 271–285.
- Hale, H. E. (2017) ‘Russian patronal politics beyond Putin’, *Daedalus*, 146 (2), pp. 30–40. DOI: 10.1162/DAED_a_00432
- Hale, H. (2011) ‘The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime’, *Europe-Asia Studies*, 63 (8), pp. 1357–1375.
- Kavasoglu, B. (2022) ‘Opposition party organizational features, ideological orientations, and elite cooptation in electoral autocracies’, *Democratization*, 29 (4), pp. 634–654.
- Mikhasev, T., Golosov, G. V. (2023) ‘Reluctant cooptation: The legislative recruitment of the private sector into Russia’s dominant party, 2015–2020’, *Party Politics*, 29 (5), pp. 1–11. DOI: 10.1177/13540688231202856
- Remington, T. (2016) ‘Presidential Support in the Russian State Duma’, *Legislative Studies Quarterly*, 31 (1), pp. 5–32.
- Reuter, O. J., Remington, T. (2009) ‘Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia’, *Comparative Political Studies*, 42 (4), pp. 501–526.
- Reuter, O. J., Robertson, G. (2015) ‘Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes’, *The Journal of Politics*, 77 (1), pp. 235–248.
- Reuter, O.J., Szakonyi, D. (2019) ‘Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia’, *American Political Science Review*, 113 (2), pp. 552–568.
- Stacher, J. (2012) *Adaptable Autocrats: Regime Power in Egypt and Syria*. Stanford: Stanford University Press.
- Szakonyi, D. (2024) ‘Corruption and Cooptation in Autocracy: Evidence from Russia’, *American Political Science Review*, 118, pp. 1–18. DOI: 10.2139/ssrn.4308351
- Turovsky, R. (2018) ‘Institutionalization versus personalization: electoral effects of the mixed-member electoral system in Russia’, *European Politics and Society*, 19 (5), pp. 595–622. DOI: 10.1080/23745118.2018.1492197

Статья поступила в редакцию: 21.06.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 04.09.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**FACTORS OF COOPTATION OF THE OPPOSITION IN THE REGIONAL PARLIAMENTS
OF RUSSIA (EVIDENCE OF ELECTORAL CAMPAIGNS IN 2019-2023)**

A. Gorokhov

Alexander Gorokhov, postgraduate student, Faculty of Social Sciences,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: avgorohov@bk.ru (ORCID: 0000-0002-3118-9403. ResearcherID: ABF-5192-2021).

Abstract

The study is devoted to the analysis of the cooptation of the opposition in the regional parliaments of Russia, i.e. the factors that determine the decision to co-opt certain representatives of the systemic opposition. Co-optation is understood as the granting of leading positions in the regional parliament (such as deputy chairmanships and committee chairmanships) to the systemic opposition represented by the CPRF, LDPR and A Just Russia - For Truth. The article examines the factors influencing cooptation, comparing institutional factors (the influence of the position of the head of the region and the general characteristics of the regional parliament) and personal factors related to the career characteristics of the deputy corps. Using the sample of the 2019-2023 regional elections, it has been demonstrated that the decision to co-opt is most often individual and depends on the personal characteristics of the co-opted deputies, namely their experience in the economic field and their election to one of the convocations of the regional parliament. In addition, the importance of seats won by the systemic opposition is demonstrated, confirming existing research. The study expands the existing understanding of cooptation factors by testing the influence of factors at several levels of leadership positions, and leaves room for further deepening and expansion of the findings.

Keywords: Russian regions; opposition parties; elections; cooptation; factors of cooptation.